кого «Яко не подобает святым божиим церквам и монастырем обиды творити и насилие и всхищати имениа и стяжаниа их», написанном в 1507 г. против князя Федора Волоцкого и его окружения,[37] в «Послании Иосифа Волоцкого к И. И. Третьякову-Ховрину», написанном в конце 1510—начале 1511 г.,[38] в «Послании Иосифа Волоцкого к Б. В. Кутузову», написанном в начале 1511 г.[39]

В «трактате» Иосиф Волоцкий обращается к двум русским произведениям — Житию Леонтия Ростовского и Житию Феодосия Печорского, из которых приводит примеры о наказании воина, пытавшегося присвоить себе церковную землю, и разбойников, пытавшихся ограбить монастырское село. В «Посланиях» Иосиф Волоцкий оправдывает коммендацию своего монастыря великому князю подобными же коммендациями из практики русской церкви — Троице-Сергиева, Каменского и Толгского монастырей великому князю Василию Василиевичу. И в «трактате», и в обоих Посланиях неотчуждаемость монастырских земель доказывается примерами из соборных правил, сочинений отцов церкви, переводных житий. Особенно запоминаются в «трактате» и в «Послании к И. И. Третьякову-Ховрину» отрывки из второго Жития Стефана Дечанского и из 23-го послания Никона Черногорца к «магистру и князю князем» Марапе, рассказ о том, как были наказаны болезнями и напастями князья Юнец и Марапа, поднявшие руку на монастырскую собственность.[40]

«Слово иное» находится в идейной близости с «Соборным ответом» 1503 г., «трактатом» и двумя посланиями Иосифа Волоцкого к И. И. Третьякову-Ховрину и к Б. В. Кутузову: божья кара настигнет того (пусть это будет даже сам носящий венец князь), кто покушается на монастырскую собственность. Однако ни один из известных апологетов монастырского стяжания не подчеркивает с такой решительностью и силой смирение государственной власти перед воинствующей церковью, как автор «Слова иного». Сам Иосиф Волоцкий до 1508 г., т. е. до сближения с Василием III, находившийся, как и архиепископ Геннадий, в оппозиции к великокняжеской власти,[41] охотно мог бы разделять точку зрения автора «Слова иного». Однако, очевидно, что автор «Слова иного» не «иосифлянин», хотя он и выступает с позиции воинствующей церкви: в рассказе о соборе 1503 г. нет никаких намеков на участие Иосифа Волоцкого в соборных заседаниях и его выступление с речью. Зато игумен Серапион, политический противник Иосифа в период с 1508 по 1511 г., изображен в «Слове ином» как выдающийся деятель церкви, благодаря энергии которого удалось отстоять право русской церкви на владение землями и посрамить самого самодержца. Какой бы ни была действительная роль Серапиона в событиях 1503 г., для нас очевидно, что автор «Слова иного» был близок к Серапиону.

Для точной датировки «Слова иного» в самом памятнике недостает прямых данных. Можно думать, что литературное оформление легенды о поражении великого князя и наказании его за покушение на земли Троицкого монастыря произошло уже после смерти великого князя (27 октября 1505 г.), после того как князь Дмитрий Иванович получил Углицкий удел

---

[37] Там же, стр. 84.
[38] Там же, стр. 268.
[39] Там же, стр. 276.
[40] Е. П. Наумов. Из истории русско-сербских средневековых связей. (Второе Житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). — В кн.: Из истории межславянских культурных связей. К 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 17—47.
[41] А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 167 и сл.